

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

П14

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Chuck Palahniuk

INVISIBLE MONSTERS

Перевод с английского Ю. Волковой

Компьютерный дизайн Е. Жбанова

Печатается с разрешения автора и его литературных агентств
Donadio & Olson, Inc. и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 29.07.19. Формат 70х90 1/32.
Усл. печ. л. 11,02. Доп. тираж экз. Заказ № .

Книга содержит нецензурную брань

Паланик, Чак.

П14 Невидимки : [роман] / Чак Паланик; [пер. с англ. Ю. Волковой]. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 300, [4] с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-085487-5

«Невидимки».

Роман, который Чак Паланик написал ЗАДОЛГО до «Бойцовского клуба».

Тогда эту книгу оценили **ОЧЕНЬ НЕМНОГИЕ**.

ТЕПЕРЬ — наконец-то! — стало ясно: Чак Паланик был хорош **ВСЕГДА**. Просто — время **ВОСПРИНЯТЬ ЕГО ПРОЗУ** настало не сразу...

ЭТУ КНИГУ ее рассказчица пишет **СОБСТВЕННОЙ КРОВЬЮ**.

Когда ее читаешь — возникает ощущение, что **СОБСТВЕННОЙ КРОВЬЮ** ее написал Чак Паланик...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

© Chuck Palahniuk, 1999

© Перевод. Ю. Волкова, 2004

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Посвящается Джоффу, сказавшему:

— Вот как надо воровать наркотики.

И Ине, сказавшей:

— Вот контурный карандаш для губ.

И Дженет.

— Вот шелковая горжетка, — сообщила она.

А еще моему редактору, Патриции, не устававшей повторять:

— Над этим еще следует поработать.

Глава первая

Мы на грандиозном свадебном торжестве в одном из здоровенных особняков в Вест-Хиллз. Дом утопает в цветах. Пахнет фаршированными грибами.

Это называется художественным оформлением представления. Здесь присутствуют все — те, кто жив, и те, кто умер. Свадьба Эви Коттрелл в самом разгаре. Эви стоит посередине огромной лестницы лицом к столпившимся в холле гостям. На ней лишь то, что осталось от восхитительного подвенечного платья. В руке у Эви винтовка.

Я внизу, у нижней ступени. Вернее, здесь мое физическое «я». Где находится мое сознание — не знаю.

Никто еще не распрощался с жизнью окончательно, но можно смело сказать, что часики уже тикают.

Вообще-то назвать участников этой колоссальной человеческой драмы по-настоящему живыми тоже нельзя.

Если вам интересно узнать, кто такая Эви Коттрелл, посмотрите ряд рекламных телепередач об органических шампунях, в которых она снималась. Сейчас Эви стоит голая, в металлических обручах вокруг бедер, оставшихся от съеденного огнем свадебного платья. На ушах у нее проволочные скелетики шелковых цветов, совсем

недавно украшавших шикарные, зачесанные назад волосы всех оттенков светлого. Уложенные в праздничную прическу, залитые лаком. Ее волосы... Их тоже поглотило пламя.

Здесь присутствует еще одно главное действующее лицо — Бренди Александр. Получив огнестрельное ранение, она распростерлась на полу у подножия лестницы и истекает кровью.

Я смотрю на красный поток, струящийся из пулевого отверстия на теле Бренди, и сознаю, что воспринимаю происходящее как осуществление некоей социополитической программы. Я не зря упомянула о рекламных телепередачах с шампунями, с десятками клонов одного и того же человека. Все это относится и ко мне, и к Бренди Александр. Выстрел в кого бы то ни было в этом доме — моральный эквивалент убийства автомобиля. Или пылесоса. Или куклы Барби. Он сравним с уничтожением информации на компьютерном диске. С преданием книги огню. Наверное, точно так же можно рассматривать любой акт убиения, совершенный в той или иной точке земного шара. Все мы почти не отличаемся от продуктов, порожденных цивилизацией.

Бренди Александр, первоклассная красавица без комплексов и предрассудков, настоящая королева, лежит на полу, и из дыры в ее восхитительном жакете течет кровь. Жакет — от костюма, подделки под Боба Маки. Бренди купила его в Сиэтле. Юбка утягивает ее задницу так, что та походит по форме на сердце, которое так и хочется потрогать. Если я скажу, сколько стоит этот костюмчик, вы не поверите. Цена умопомрачительная! Жакет с баской, широкими лацканами и подплечниками. Однобортный, и обе полочки абсолютно одинаковые. Хотя сейчас в одной из них уродливая дыра, и из нее течет кровь.

Эви начинает рыдать. Она стоит все там же, посередине лестницы. Эви. Смертоносный яд настоящего мгновения. Мы все, как по сигналу, устремляем взгляды на нее: на бедную, несчастную невесту, лысую, голую, осыпанную пеплом, окруженную клеткой из металлических обручей от сгоревшего свадебного платья. Эви бросает винтовку. И медленно опускается на ступеньку, продолжая выть. Можно подумать, плачем что-нибудь исправить. Лицо и руки Эви черные от гари. Винтовка, тяжелая, тридцать какого-то калибра, с грохотом и лязгом летит вниз по ступеням, скользит по полу холла, тормозит в центре и начинает вращаться. Ее дуло устремляется на меня, на Бренди, на ревущую Эви...

Только не подумайте, что я какая-нибудь бесчувственная лабораторная тварь, приученная не обращать внимания на страдания и насилие. Однако в данный момент я размышляю лишь о том, что, возможно, еще не поздно попытаться удалить кровавое пятно с белого жакета Бренди, хотя бы при помощи минералки...

До некоторых пор вся моя взрослая жизнь сводилась к тому, что за невероятную уйму денег в час мне, наряженной и причесанной, следовало стоять на огромном куске бумаги и выполнять требования какого-нибудь фотографа, нанятого той или иной известной компанией. Он говорил, какие чувства и эмоции я должна изображать.

— Покажи мне страсть, детка! — кричит фотограф.

Вспышка.

Покажи мне злобу!

Вспышка.

Покажи мне отрешенность, внутреннее опустошение экзистенциалиста.

Вспышка.

Покажи мне неистовую интеллектуальность как способ выживания в этом мире.

Вспышка.

Возможно, то, что я сейчас испытываю, не что иное, как шок, ведь прямо у меня на глазах один из моих заклятых врагов выстрелил во второго моего заклятого врага. Все вышло как нельзя лучше. Бабах — и конфликт разрешен. Этот давний конфликт и мое знакомство с Брендзи Александр породили во мне странное чувство — желание трагедии.

Наверное, когда я поднимаю руку с носовым платком и подношу ее к лицу, спрятанному под густой вуалью, люди думают, что я утираю слезы. На самом же деле я просто закрываю нос, используя платок как своеобразный фильтр — дышать в горящем доме Эви становится все более затруднительно. Воздух гуще и гуще наполняется сизым дымом.

Я сижу, опустившись на колени рядом с Брендзи. Мне ничего не стоит достать откуда-нибудь из многочисленных складок своего платья таблетки — «дарвон», «демерол» и «дарвоцет-100». Тогда на мне сосредоточилось бы всеобщее внимание.

Мое платье из набивного ситца — нечто похожее на Туринскую Плащаницу. Коричнево-белое, широкого покроя, с драпировкой. Длинный ряд блестящих красных пуговиц выглядит подобно стигматам на теле святого. Лицо мое скрыто под несколькими ярдами черной органзовой вуали, украшенной вырезанными вручную крошечными австрийскими звездочками из хрусталя. Никто не видит, какое у меня лицо, но в этом весь смысл. Я смотрю элегантно и святотатственно, а потому чувствую себя необыкновенно — божественной и аморальной.

Воплощение высокой моды, становящееся все более экстравагантным.

Языки пламени неумолимо движутся вниз по обоям в холле. Это я разожгла огонь, чтобы добавить декораций. Кажется, что дом, в котором мы находимся, ненастоящий. Что эта горящая постройка — декоративный особняк эпохи Тюдоров, воссозданный по маленькой музейной копии, копии, копии. И что от подлинности нас отделяет сотня поколений. Хотя... Разве все мы — не реальность?

Прямо перед тем как Эви с криками выскочила на лестницу и выстрелила в Бренди Александр, я расплескала целый галлон духов «Шанель № 5» по ее спальне, подожгла пригласительный билет и бросила его на пол. Мгновение — и у меня в руках еще один шанс начать новую жизнь.

Забавно, но когда углубляешься в раздумья даже о самом крупном пожаре, какой когда бы то ни было знавало человечество, понимаешь, что он всего-навсего химическая реакция. Окисление. И осознаешь, что тело Жанны д'Арк просто соединилось однажды с кислородом.

Все еще вращаясь на полу, винтовка поворачивается стволом ко мне, к Бренди.

Независимо от того, насколько сильной кажется тебе твоя любовь к человеку, когда лужа крови, струящейся из его раны, растекается по полу настолько, что едва не касается тебя, ты невольно отстраняешься.

Кабы не эта жуткая драма, денек был бы чудесным. Сегодня тепло и солнечно, и сквозь раскрытую парадную дверь видны крыльцо и зеленая лужайка перед домом. С улицы тянет теплым запахом свежестриженного газона, и слышны голоса выскочивших из дома гостей. К настоящему моменту все они похватили пригля-

нувшиеся им сувениры — из хрустали и серебра, — вылетели на улицу и дожидаются теперь приезда пожарной бригады и медработников.

Бренди разжимает одну из своих крупных, украшенных кольцами рук и прикладывает ее к ране, кровь из которой залила уже практически весь мраморный пол в холле.

— Черт! — восклицает Бренди. — В «Бон Марше» этот костюм теперь ни за что на свете не примут назад!

Эви отрывает ладони от лица, заляпанного черными отпечатками пальцев, перемазанного слезами и слюнями, и вопит:

— Ненавижу свою треклятую занудную жизнь!

Эви поворачивается к Бренди Александр и орет:

— Займи мне местечко у окна, когда попадешь в ад!

На черных щеках Эви образуются две чистые дорожки от слез. Она кричит:

— Эй, подруга! Почему же ты ничего мне не отвечаешь?

Как будто произошедшее — это еще вовсе не драма, драма, драма, Бренди Александр устремляет на меня, продолжающую сидеть возле нее на коленях, испуганный взгляд. Ее баклажанные глаза расширяются до невообразимых размеров.

Она спрашивает:

— Неужели Бренди Александр сейчас умрет?

Эви, Бренди и я. Все, что здесь творится, — обыкновенная борьба за право быть лучшей. Каждая из нас — это я, я, в первую очередь я. Убийца, жертва, свидетель. Каждая из нас считает, что именно ей должна принадлежать роль лидера.

Возможно, все люди в мире воспринимают себя точно так же.

Все это — зеркало. Зеркало на стене. Красота — сила, равно как деньги, равно как оружие.

Когда я читаю в газете заметку о том, как злоумышленник похитил молодую женщину, как издевался над ней, ограбил ее, а потом убил, и вижу на первой странице огромную фотографию несчастной, на которой она улыбается и радуется жизни, то невольно думаю не о чудовищности совершенного преступления, а совсем о другом: что если бы ее нос не походил на здоровенный утиный клюв, она была бы вполне ничего. Потом мне в голову приходит другая мысль: если бы меня похитили и зверски надо мной издевались, я тоже предпочла бы отдать Богу душу. Затем размышляю о том, что убийство — один из элементов естественного отбора.

Увлажняющая мазь, которой я пользуюсь, — суспензия неактивных зародышевых веществ в гидрогенизированном минеральном масле. Если я достаточно честна, значит, моя жизнь — это рассказ обо мне.

За исключением тех случаев, когда фотограф в моей голове кричит:

Покажи мне сопереживание!

Вспышка.

Покажи мне сочувствие!

Вспышка.

Покажи мне горькую правду!

Вспышка.

— Не дай мне умереть прямо здесь, на этом полу, — говорит Бренди, и ее крупные руки вцепляются в меня мертвой хваткой. — О, мои волосы! — стонет она. — На затылке они сильно примнутся!

Я прекрасно сознаю: Бренди с минуты на минуту может отправиться на тот свет, однако мне трудно в это поверить.

Завывания Эви становятся громче. Ко всему прочему, с улицы уже доносится рев сирены. У меня такое ощущение, что все эти звуки водружают мне на голову корону королевы Города Мигрени.

Винтовка продолжает вращаться на полу, но все медленнее и медленнее.

Бренди говорит:

— Бренди Александр мечтала прожить жизнь совсем по-другому. Она должна была быть знаменитой, лучшей из лучших. Перед смертью ей хотелось, чтобы ее хоть раз показали по телевидению в перерыве между таймами Кубка США по футболу. Показали попивающей диетическую колу, танцующей обнаженной медленный сексуальный танец.

Винтовка останавливается, ее ствол указывает в пустоту.

Эви хнычет, и Бренди выкрикивает:

— Заткнись!

— Сама заткнись! — орет в ответ Эви.

А огонь за ее спиной уже принимается поглощать расстеленную на лестнице ковровую дорожку.

Сирены гудят где-то совсем близко. Наверное, их тревожный вой слышен повсюду в Вест-Хиллз. Люди во дворе сбивают друг друга с ног, набирая 911. Каждому хочется прослыть героем. Но лица у всех растерянные. Никто не готов предстать перед телекамерами съемочной группы, которая вот-вот появится.

— Это твой последний шанс, дорогая, — говорит Бренди. Ее кровью залито все вокруг. — Ты любишь меня?

Когда предки задают тебе подобный вопрос, это означает, что ты перестаешь быть для них пупом земли.

Именно таким образом многие родители загоняют своих чад в опасную ловушку — возлагают на них роль своей главной поддержки в жизни.

Нависшее надо мной ожидание давит сильнее, чем сознание того, что я нахожусь в огромном доме, объятom пламенем. От меня хотят услышать всего лишь три самых затрепанных из всех известных миру слов, слов, встречающихся в любом манускрипте, в любом сценарии к фильму. Я не знаю, куда мне деваться. Три слова означают в данный момент так много. К ним сводится наше общение. И весь мой словарный запас. Я чувствую себя жутко беспомощной.

— Скажи же мне, — умоляет Бренди. — Ты любишь меня? Любишь ли ты меня по-настоящему?

Вот так напыщенно и преувеличенно вела себя Бренди Александр всю свою жизнь. Она была сплошным театром, а сейчас на глазах угасает.

Просто из желания немного подыграть ей я беру ее крупную руку в свою. Милый жест, хотя я тут же напрягаюсь, с испугом вспоминая о том, что вытекшая из Бренди кровь может содержать в себе болезнетворные микроорганизмы.

Раздается оглушительный грохот — обрушивается потолок в столовой. В холл сквозь дверной проем тут же вылетает фонтан искр и горящих углей.

— Даже если ты не в состоянии меня любить, расскажи мне, какой была моя жизнь, — говорит Бренди. — Любой девушке перед смертью хочется услышать свою историю.

А ведь мало кому удастся удовлетворить перед смертью потребности души.

В это мгновение огонь, улетающий ковровую дорожку на лестнице, приближается к голой заднице Эви, и она, пронзительно вереща, подпрыгивает на ступеньке